

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ШОК (В. П. Белянин)

Комментарии пользователей к этой статье

Оригинал статьи: http://www.textology.ru/belyanin/bel_shok.html

(*Rusistica Espanola*. Научный журнал по проблемам русского языка и литературы. N 5, 1995. – Мадрид)

Преподавателям иностранных языков и культурологам хорошо известно понятие культурного шока (*cultural shock*) как состояния удивления учащегося или даже неприятия им фактов культуры изучаемого языка (Rivers 1968, 264). Возникая по причине несовпадения культур, культурный шок является следствием неполной аккультурации учащегося, незнания или непонимания им норм новой для него культуры.

Культурный шок исчезает по мере знакомства с чужой культурой, по мере того, как забывается своя культура, с элементами которой происходит сравнение новых фактов.

В межкультурном общении существует ещё одно явление, о котором написано гораздо меньше. Это явление следует по аналогии с культурным шоком назвать лингвистическим шоком. Лингвистический шок можно определить как состояние удивления, смеха или смущения, которое возникает у слушающего при общении с носителем иностранного языка, когда он слышит в иноязычной речи языковые элементы, звучащие на его родном языке странно, смешно или неприлично.

Говоря о том, что нечто звучит странно, мы должны оговориться, что это общее отношение человека, не говорящего на иностранном языке к чужому для него языку. Так, Дж. Свифт пишет о том, как Гулливер оценил язык народов лошадей: "Произношение у гуингнгов – носовое и гортанное, из всех известных мне европейских языков он больше всего напоминает верхнеголландский или немецкий, но он гораздо изящнее и выразительнее" (Свифт 1955, 306). Оценка языка как изящного или грубого происходит независимо от сознания слушающего и является аспектом его общего оценочного отношения к миру, проявляемого в данном случае по отношению к языковым фактам.

Слова, являющиеся для русского благозвучными, приятными для слуха, как правило не отмечаются в коллективном языковом сознании как отдельные элементы. Чаще как благозвучный, приятный для слуха характеризуется язык в целом (напр., французский, испанский, английский, вьетнамский, китайский, хинди, суахили для русских). Что же касается отдельных слов, то их благозвучие может быть никак не связано с их семантикой, или даже наоборот, слова неприличные могут звучать для русского благозвучно.

Так, сочетание английских слов *constipation and diarrhea* (что в переводе на русский означает запор и понос) звучит на редкость благозвучно. Также приятно звучат для русских и литовские слова типа *saspraudas* (по-русски скрепки). Можно предположить, что итальянец Калиостро покорил Москву и Санкт-Петербург XIX века ещё и тем, что его имя звучало для русских не только благозвучно, но и таинственно.

В свою очередь, неприятными языками для русских могут оказаться арабский, корейский, пушту, в некотором отношении татарский и немецкий.

Смеховой эффект в отношении иностранного языка возникает в тех случаях, когда нейтральное по значению слово одного языка омонимично слову родного языка, обладающему совершенно другим значением.

Так, персидское (фарси) кефир соответствует русскому неверный; турецкое слово *kulak* по-русски значит ухо; турецкое *bardak* по-русски значит стакан.

Такого рода межъязыковая омонимия описана в лингвистике в своём "слабом" варианте как проблема "ложных друзей переводчика" (Дубичинский 1993).

Смешно также звучат слова, имеющие созвучие с не совсем приличными словами, особенно если они конфликтны по смыслу со своим иноязычным омонимом. Например, упоминание о том, что в Министерстве образования Пакистана российскую делегацию встречал доктор Дурани, вызывало

в русской аудитории улыбку в силу созвучия со словом дурак и принадлежности этого имени человеку со статусом доктора.

Наибольшее же количество примеров может быть приведено в отношении слов, которые звучат на других языках так же, как неприличные слова на русском языке.

При том, что большому количеству людей не нравятся неприличные слова и они заслуженно вызывают негативную эмоциональную реакцию, языковое сознание отмечает их как необычные и они запоминаются и воспроизводятся человеком как нечто особое в межъязыковом общении. Возможно, что именно табуированность определённых слов в русском языке (по состоянию на 1995 год в России ещё имеется непечатная лексика) способствует их запоминанию, делая возможным для человека произнести якобы как иноязычное то, что на родном языке сказать неприлично.

С филологической точки зрения изучение таких явлений подобно изучению сорняков, которые для биолога имеют не меньшую ценность, чем розы. Не имея намерения эпатировать или "скандализировать" научную общественность, приведём примеры.

Наиболее неприличными могут считаться совпадения иноязычных слов с русскими названиями половых органов. Так, на суахили: *huu* = этот; *huuo* = тот самый; русское слово идиот звучит по-венгерски *huue* [хюэ]; по-латыни *huuus* означает этот. По-турецки: [хуй] - характер; [бизда] - у нас; [манда] = бык; [хер] = каждый; неприлично звучат слова ливанского гимна: [Я белад] - Мой край родной (беладь - моя страна; белад - страны). Корейское алло [ёбосё] и подготовительный факультет [еби как пу] шокируют русских. Португальская фраза *Yo traje traje* (Я принёс костюм) может также поразить русского слушателя неожиданным сходством с неприличным глаголом трахать.

Достойным включения в сборник лингвистических анекдотов оказывается случай с женой советского посла в одной из арабских стран, когда она попросила таксиста довезти её до дома номер 11 на нужной ей улице. Подъезжая к дому, таксист решил переспросить, одиннадцатый ли номер дома ей нужен, что на диалекте прозвучало как [Раком дашь?] (где [ахад-ашер] - одиннадцать было сокращено до [дашь]) с интонацией, соответствующей русскому вопросу. Жена посла была напугана этим вопросом, прозвучавшим как русское сексуальное домогательство.

Пожалуй, самым неприятным моментом в общении лиц, принадлежащих разным культурам, может служить неблагозвучность имени одного из них для другого. Если пример с доктором Дурани может вызвать лишь улыбку, то японское имя Ебихара (здесь есть корневая основа в том числе и нецензурного глагола харить) может очень помешать его носителю в России. Так, по наблюдениям В. Елистратова (1992) в грузинском имени Гамсахурдия выделялся слог -ху-, что делало для некоторых любителей языковой игры это имя эвфемизмом полового органа. Отмечаются речевым сознанием как не совсем приличные и испанские имена Хулио Иглесиас (певец), Сиси (имя героини в мексиканском телесериале). Известны даже факты смены имени у китайцев при общении с русскими. Есть пример и того, как болгарин с обычной болгарской фамилией Какалов вынужден был поменять фамилию перед полётом в советском космическом корабле (см. также Сорокин 1978).

Существенным аспектом лингвистического шока является то, что непривычное или неприличное созвучие слышится не только тогда, когда имеется сегментное соответствие (слог – слог; слово – слово), но и в том случае, когда такого соответствия нет.

Так, в английской фразе *Who is absent?* (Кто отсутствует? – традиционная фраза советского преподавателя на уроке английского языка) такое "непристойнозвучие" возникает на стыке слов.

Для иностранцев в русском языке тоже встречаются языковые факты, которые кажутся им смешными или неприличными. Самый известный пример из этой области связан с названием автомобиля "Жигули", созвучного *gigolo* (по-русски сутенер). Именно это явилось причиной того, что эта машина имеет для европейского рынка второе название – "Lada". Другой не менее известный пример может быть заимствован из кинофильма "Механический апельсин": хорошо > horror show > шоу ужасов. Там же есть пример с русским словом деньги (которое созвучно английскому *deng* – дерьмо).

Смеховой эффект в таких случаях возникает за счёт того, что весь контекст остаётся инокультурным и, как правило, серьёзным, а какое-то отдельное слово как бы становится несерьёзным.

Так, у англичан название фильма и произведения "Щит и меч" вызывало недоумение в силу созвучия слов щит и shit (по-русски дерьмо). Для китайцев русское слово тамада звучит как грубое ругательство. Если русских шокирует то, как подзывают кошку испанцы (pis-pis созвучно словам, говоримым русским детям в целях стимулирования их мочеиспускания), то арабы могут вспомнить случай, когда советский генерал на официальном приёме, увидев кошку, решил позвать её по-русски ("Кис-кис" созвучно арабскому глаголу сексуального действия). Русское подтверждение слов англоговорящего "Факт!" будет звучать для него неприлично в силу созвучия с нецензурным, хотя и распространённым выражением (Fuck it!). Аналогично, спрашивать испаноговорящего студента на занятии русского языка в соответствии с заданием учебника "Старт" (на отработку конструкции быть + кем) "Ты хочешь быть моряком?" будет явно неприлично (в крайнем случае слово моряк должно быть заменено на матрос). При том, что лингвистический шок возникает чаще всего именно при общении с иностранцами, немало свидетельств и того, что слушающий может быть шокирован языковой формой родной речи.

Так, одна радиослушательница (21.01.1995) попросила дать ей возможность услышать русский романс "Вниз по Волге-реке", которую ей пели в детстве. При этом она отметила, что вместо слов "Лучше быть мне в реке утопимому, чем на свете жить нелюбимому" ей в детстве слышались призывы "Утопи маму" и "Не люби маму", от которых она плакала.

Не обращаясь к анализу механизма ослышки (который рассмотрен в том числе и в психоанализе), обратимся к лингвистическим аспектам неадекватного восприятия фонетической формы слов родного языка.

Пожалуй, наиболее часто переосмысляется в сторону неблагозвучия в родном языке новая аббревиатура.

Так, нередко можно услышать фразу типа "Извините за выражение, эСЭНГэ" (III программа телевидения 25.11.94). Подобные проблемы возникают при назывании нового явления. Так, при образовании в 70-е гг. Института социологии в рамках Академии наук аббревиатура ИДИС (Институт демографии и социологии) была отвергнута в силу созвучия с названием языка идиш. Не смогли назвать институт и Институт социально-демографических исследований, поскольку в аббревиатуре ИСДИ происходит озвончение [с], превращающегося в [з], что придаёт этому сокращению созвучие с неприличным глаголом. В результате институт стал называться ИСИ (Институт социологических исследований), в котором был образован Сектор демографии и народонаселения. Таким же образом в название Государственного Петербургского Университета (ГПУ) пришлось вставить слово Технический, что, правда, сделало аббревиатуру ГПТУ омонимичной ПТУ (профессионально-техническое училище).

Неблагозвучие имеется и в названиях новых фирм (в названии Мослесбанк слышится и [лез в банк] и [лесба]) и в топонимах (с названием деревни Ленино-Кокушкино может возникнуть ассоциация с детским словом какушки - испражнения).

Наиболее часто эффект лингвистического шока возникает в новых словах иноязычного происхождения. Так, известен анекдот 1994 года о ваучере (– Девушка, можно вас приватизировать? – А ты сначала ваучер покажи!), где оно ассоциируется с названием мужского полового органа, хотя внутренняя форма этого слова на это никак не указывает.

Реклама напитка "Херши кола" рождает неприличные ассоциации в силу того, что является, как это и отмечается в телерекламе, Новым словом на букву "Х". Естественной становится карикатура с изображением двух мужчин, один из которых лежит в луже, а другой, держа бутылку напитка в руке, говорит: Херши ж ты Коля, это же вкус победы ("Московский Комсомолец", март 1994).

Совершенно очевидно, что в этих случаях происходит незначительная переделка фонетической формы услышанного слова, в результате чего оно в большей степени становится похоже на смешное или неприличное слово. Именно искажения и добавления могут вызвать лингвистический шок.

Так, аббревиатура ЦМО (Центр международного образования) сближается с чмо (оскорбление), о Московском Государственном Лингвистическом Университете можно сказать: "Я работаю во МГЛе". Называя Россию не Евразией, а Азиопой Г. Явлинский (?) в 1992 году очевидно играл с окончанием -опа.

Нередко возможно и переразложение морфологической структуры фразы. В результате этого части сопряжённых слов сочетаются между собой и образуют новые слова. В детской речи есть шутивная фраза Ах ты с-с-Ук-раины приехала, кур-р в-воровать. Имеется и анекдот, приписываемый А. С. Пушкину. В ответ на вопрос друзей, потерявших Пушкина в лесу: – Пушкин, где ты? он якобы ответил: – Во мху я по колено). Есть также примеры того, как происходит синтаксическая переструктуризация фразы. Так, к лозунгу Береги природу – мать в шутивной речи добавляется твою.

Случаи такого рода отмечаются речевым сознанием как необычные, как игровые именно в силу того, что они несут в себе неприличность. Они запоминаются носителями языка, пересказываются другим людям, закрепляются в языке как смешные фразы.

Языковая игра с использованием иноязычных элементов заслуживает особого рассмотрения. Коротко отметим другие случаи, сопряжённые с темой лингвистического шока.

При языковой игре на русском языке нередко передразнивается сама иноязычная речь. Она может имитироваться с акцентом, делающей её особенно смешной. Наиболее часто пародируется восточный говор (Тарапыца нада нэт), татарский (Калдым-балдым; Все татары / татаре, кроме я; Моя твоя не понимай), немецкий (Это не есть карашо).

Такого рода жанр близок макаронической речи, которая представляет собой якобы иностранную речь (якобы турецкое имя Об стул задом бей; якобы китайская фраза Синь Цзяо Лянь, Мао Цзэдун). Подтверждением того, что лингвистический шок - это психолингвистическая реальность, служит тот факт, что людьми, владеющими иностранными языками, специально придумываются языковые конструкции, которые могут звучать неприлично, и, тем самым, провоцировать шок у слушателей.

Так, школьник, изучающий английский язык, может попросить одноклассника перевести на английский самое безобидное словосочетание голубая вода. Получаемое blue water (что созвучно русскому блевота) вызывает у него чувство злорадного смеха. На португальском такой лингвошокирующей фразой будет: В июле блинчиками объесться (In Julio pidaras ohuelos). На турецком Характер каждого быка ([Хер манд аныб хуюб]); на арабском Семья моего брата - лучшая в стране ([Усрат ахуй атьебифи биляди]; на китайском Грязно-серая лиса шаг за шагом возвращается в общежитие ([Хуй лю лю хули ибу ибу хуй суши]).

Переводчики могут привести немало подобных примеров.

Иностранцы тоже могут пользоваться этим приёмом. Так, студенты-афганцы, которых я учил русскому языку, (Мазар-и-Шариф, 1978), придумали такую фразу: Костя хочет стать космонавтом. Он откусил кусочек вкусного абрикоса и косточку бросил в кусты. Её особенность состоит в многократном повторении слога кус, являющегося обозначением сексуального действия на фарси. Есть и франко-арабско-французский лингвистический анекдот: Француженка звонит в арабскую авиакомпанию: "Est'ce que l'Aire France?" и слышит в ответ по-арабски: [Ла] (нет) – [Эр Мухаммад] (где эр по-арабски мужской половой орган, а Мухаммед - имя отвечавшего).

В отношении письменной речи следует сказать, что таких фактов значительно меньше.

Такого рода первертонимы могут быть в том случае, если буквенные символы одного языка читаются на другом коде. К примеру, таким словом может оказаться итальянское название детских пелёнок Nenuco, если N строчное пишется как n прописное (получается по-русски пенисо, созвучное глаголу с ударением на первом слоге пИсать - совершать мочеиспускание).

Можно привести интересный факт, связанный с внедрением в нашу жизнь калькуляторов. Так, в ответ на просьбу дать что-либо школьник может ответить словами 54154, что на калькуляторе будет SHISH (причём вверх ногами). Более непристойным ответом будет набор чисел 0.7931505. При перевёртывании калькулятора (или при оставлении его в обычной позиции по отношению к "производителю", но перевёрнутой по отношению к "реципиенту"). Это число представляет собой русско-английское написание неприличных русских слов.

Завершая статью, отметим, два момента. Первое. В лингвистике имеется много теоретических построений, в которые вписывается проблематика лингвистического шока. Так, в дискурс-анализе имеется понятие meaning of the hearer (значение слушающего) как значение, которое приписывает речи слушающий. У А. А. Потемни есть рассуждения о "понимании по-своему" и о возможности обращаться к внутренней форме слова при понимании речи. Можно вспомнить и

термин полужычие, применявшийся в частности, для квалификации незнания жителями Средней Азии Советского Союза ни русского, ни родного языков.

При рассмотрении проблемы лингвистического шока можно обратиться и к понятию языковой игры и макаронической речи прежде всего. И тут лингвистический шок хорошо объясняется действием механизмов травести и в целом механизмов смеховой культуры (см. Белянин, Бутенко 1994).

Вторым выводом из вышеприведенных примеров о лингвистическом шоке могут быть соображения о способах оптимизации межкультурной коммуникации.

Так, может быть составлено два рода списков. Во-первых, списки сочетаний звуков, слов, выражений, не рекомендуемых для говорения на родном языке при общении с иностранцами. Так сказать, продуктивные неблагозвучия, или продуктивные запреты. Они будут, очевидно, неравнонаправленными (так, китайцам будет труднее общаться с русским, чем русским с китайцами).

Во-вторых, списки слов, являющихся как бы рецептивными неблагозвучиями, или рецептивными запретами. Сюда следует включить языковые элементы, которые в иностранном языке имеют один смысл, а для представителя другой культуры и носителя другого языка звучат смешно или неприлично.

То же самое может быть сделано в отношении написания слов, только в меньшем объёме.

В заключение следует подчеркнуть, что, находясь как бы на периферии межкультурной коммуникации, рассмотренное явление, тем не менее, заслуживает дальнейших исследований.

ЛИТЕРАТУРА

Белянин В. П., Бутенко И. А. Живая речь: Словарь современных разговорных выражений. – М., 1994.

Дубичинский В. В. Лексические параллели. – Харьков, 1993.

Свифт Д. Путешествия Лемуэля Гулливера. – М., 1955.

Сорокин Ю. А. Фактор амбивалентности и комизма имени // Функционирование текста в лингвокультурной общности. – М., 1978, с. 95–100.

Rivers W.M. Teaching Foreign Languages Skills. Chicago – London, 1968.